

МАРКИЗ И КУКЛОВОД

мрачный фанфик-кроссовер

ВЛАДИМИР КОТОК

Маркиз и Кукловод

Владимир Коток

Пролог. На старой мельнице

В те годы, когда на окраинах королевства ещё верили в лесных духов, а дороги не были исхожены королевскими мушкетёрами, на берегу говорливой реки Брют стояла старая мельница. Её тяжёлое деревянное колесо день и ночь оглашало округу мерным, усыпляющим скрипом, перемалывая зерно в пышную белую муку.

Хозяином этого маленького шумного мира был старый мельник Мишель — человек с мозолистыми руками и лицом, вечно припорошенным белой пылью. Его жена, Мари, женщина строгая, рассудительная и скорая на расправу, держала в кулаке и хозяйство, и троих сыновей, которые росли столь же разными, сколь непохожими бывают три жернова в одной связке.

Старший, **Пьер**, пошёл в отца. Он был силен, приземист, упрям и обладал редким практическим умом. Пьер мог на ощупь определить качество зерна и точно знал, сколько фунтов муки выйдет из мешка пшеницы. Родители видели в нём надёжную опору и будущего хозяина мельницы.

Средний, **Жак**, рос парнем хитрым и оборотливым. Пока братья работали, он умудрялся выменивать старые гвозди на глиняные свистульки, а свистульки — на медные гроши. Его глаза всегда бегали в поисках выгоды, и отец часто поговаривал, что Жак найдёт золото даже в пустом амбаре. В удел ему молчаливо прочили старого монастырского осла, на котором Жак уже вовсю возил товары в соседний город.

Младший же, **Жан**, был совсем другим. Юноша романтичный, тонкокостный и мечтательный, он часто забывал про свои обязанности, заглядевшись на кучевые облака или слушая, как ветер поёт в камышах. Братья посмеивались над ним, а мать вздыхала, глядя на его нежные руки. Но больше всего Жана отличала странная для деревенского жителя гордость: он терпеть не мог грязи и, в отличие от бородатых отца и братьев, каждый божий день тщательно скоблил лицо тупым кухонным ножом. Он ужасно гордился своей юношеской гладкой кожей и чистым лицом, заявляя, что настоящие господа бороды не носят.

Единственным существом, понимавшим Жана, был **Люсьен** — огромный, дымчато-серый кот, которого юноша подобрал котёнком в поле. Люсьен не был обычным амбарным мышеловом. В его зелёных, пугающе умных глазах светилась почти человеческая хитрость. Кот часами сидел на плече Жана, когда тот читал старые рыцарские романы, и тихо мурлыкал, словно одобряя амбиции своего молодого хозяина.

Счастье этой семьи кончилось в суровую осеннюю пору, когда простуда унесла сначала чахнувшую Мари, а вслед за ней — и самого мельника Мишеля.

После похорон братья сели за дубовый стол, чтобы разделить скудное наследство. Раздел был скорым и безжалостным, как и сама крестьянская жизнь.

— Я старший, — тяжело уронил Пьер, положив ладонь на мучной ларь. — Мне остаётся мельница. Она кормила отца, прокормит и меня. — А мне — осёл и телега, — ухмыльнулся Жак, звеня уздечкой. — Уеду в город, займусь торговлей. Мука Пьера — мой первый товар.

Они оба повернулись к Жану, который сидел в углу, прижимая к груди пушистого Люсьена. В глазах младшего брата стояли слёзы — не от потери имущества, а от осознания, что родной дом выталкивает его вназад.

— Ну а тебе, Жан, — вздохнул Пьер, пряча глаза, — остаётся кот. Большого у нас нет. Забирай его и ищи своё счастье, как знаешь.

Жак хмыкнул, выводя осла со двора. Пьер отвернулся, принимаясь за работу и давая понять, что разговор окончен. Жан остался стоять на пороге с пустым узелком за плечами. В его сердце впервые вскипела горькая, чёрная обида на несправедливость судьбы и на братьев, которые так легко вычеркнули его из своей жизни. Юноша поклялся себе, что чего бы ему это ни стоило, он докажет им всем, что рождён для большего.

Люсьен на его руках тихо зашипел вслед уходящему Жаку, а затем мягко лизнул Жана в гладко выбритое лицо, словно говоря: *«Не плачь, хозяин. Наша сказка только начинается»*.

Часть I. Золотой триумф Маркиза де Карабаса

Глава 1. Афера века

Дорога от старой мельницы вела через густой королевский лес. Жан шёл, низко опустив голову, а его начищенные до блеска туфли — последняя гордость прежней жизни — быстро покрывались дорожной пылью. Карманы юноши были абсолютно пусты, а в узелке лежал лишь чёрствый кусок ячменного хлеба, разломленный пополам с Люсьеном.

— Ну и что мы будем делать, Люсьен? — горько спросил Жан, присаживаясь на поваленное грозой дерево. — Мои братья сейчас обедают в тёплом доме, а я пойду по миру просить милостыню. Из-за моей гладкой кожи меня даже в батраки не возьмут — скажут, белоручка и лентяй.

Кот, сидевший на пне, неторопливо умывал лапку. Окончив туалет, он поднял на Жана свои изумрудные глаза, в которых не было ни капли пресловутой кошачьей тревоги.

— Не причитай, хозяин, — вдруг раздался в тишине леса тихий, вкрадчивый голос.

Жан подпрыгнул, едва не свалившись с бревна, и дикими глазами уставился на питомца. Люсьен зевнул, обнажив острые белые зубы.

— Да, это я говорю, не крестись и не падай в обморок, у нас мало времени, — сухо продолжил кот. — Твои братья получили лишь то, что можно съесть или продать за бесценок. Но они глупцы. Они оставили тебе меня, а мой ум стоит дороже всей муки этого королевства. Сделай то, что я скажу, и ты забудешь, как выглядит черствый хлеб.

Жан, всё ещё бледный от изумления, сглотнул ком в горле и кивнул. Выбора у него всё равно не было.

— Прежде всего, — Люсьен требовательно постучал когтем по Жанову колену, — отдай мне свои последние сбережения, которые ты прячешь за подкладкой куртки. Мне нужны хорошие кожаные сапоги, чтобы не бить лапы о терновник, и большой холщовый мешок. И найди мне какую-нибудь шляпу с пером — при дворе уважают изящный стиль.

Через два дня, потратив последние крохи, Жан едва узнал своего кота. Люсьен щеголял в великолепных узких сапогах из мягкой телячьей кожи, которые сидели на его задних лапах как влитые, а на голове его красовалась лихо заломленная фетровая шляпа.

— А теперь, хозяин, ступай к реке и жди, — скомандовал Люсьен, закидывая мешок за спину. — И помни: с этого момента ты больше не Жан, сын мельника. Ты — Маркиз де Карабас. Привыкай к этому имени, оно должно звучать так, будто твои предки владели этими землями ещё до того, как здесь построили первый свинарник.

Пока Жан в растерянности бродил у берега реки Брют, Кот Люсьен развернул настоящую охоту. С помощью мешка, свежей капусты и хитроумных силков он поймал в королевском лесу упитанного молодого кролика, а на следующий день — двух жирных куропаток.

Вместо того чтобы принести добычу голодающему хозяину, Кот в сапогах отправился напрямик к королевскому дворцу.

Король Клодвиг, правитель этих земель, был человеком преклонных лет, измученным государственной рутинной и капризами своей единственной дочери, принцессы Флорины. Больше всего на свете старый король любил плотно пообедать, но королевские повара уже не знали, чем удивить монарха.

Когда стража впустила в тронный зал странного гостя — огромного серого кота в сапогах и шляпе, делающего изящный реверанс, — Клодвиг даже отложил скипетр.

— Ваше Величество! — Люсьен склонил голову так низко, что перо на шляпе подмело мраморный пол. — Имею честь преподнести вам этот скромный дар от моего господина, Маркиза де Карабаса. Он прослышал о вашем утончённом вкусе и умоляет принять этого дикого кролика, пойманного в его личных заповедных лесах.

Король, чьи уголья давно опустели из-за браконьеров, расплылся в улыбке. — Передай своему господину, — благодушно промолвил Клодвиг, — что я весьма тронут его вниманием. Я никогда не слышал о Маркизе де Карабасе, но у него, должно быть, прекрасные манеры и отличные егеря.

В течение месяца Люсьен исправно являлся во дворец, принося то фазанов, то редкую рыбу, и каждый раз повторял имя своего вымышленного хозяина. При дворе только и говорили, что о таинственном, сказочно богатом Маркизе де Карабасе, который так щедр к королю. Юная принцесса Флорина, наслушавшись рассказов о щедром дворянине, уже представляла его прекрасным и благородным рыцарем.

Наконец, Кот Люсьен разузнал, что в один из солнечных дней Король Клодвиг вместе с дочерью намерен совершить прогулку в карете по берегу реки — как раз там, где по его приказу томился в ожидании Жан.

— Пора, — шепнул Люсьен, прибежав к юноше. — Снимай одежду и прыгай в воду. Живо! — Но зачем? Вода же холодная! — заупрямился Жан. — Если хочешь всю жизнь тереть лицо кухонным ножом и собирать крошки — оставайся на берегу, — отрезал кот.

Жан подчинился. Он сбросил свои поношенные вещи и залез в реку по самую грудь. Люсьен тут же схватил его старую куртку и штаны и спрятал их под большим тяжелым камнем.

Через несколько минут на дороге послышался стук копыт и грохот позолоченной королевской кареты. Расчёт Кота был безупречен. Выскочив на дорогу прямо перед лошадьми, Люсьен

закричал изо всех сил, симулируя неподдельный ужас:

— Спасите! Помогите! Тонет Маркиз де Карабас! Разбойники! Напали, ограбили, отобрали всё до нитки и бросили в реку! Спасите господина маркиза!

Карета резко остановилась. Король Клодвиг высунулся из окна и, узнав знаменитого Кота в сапогах, тут же приказал своим мушкетёрам: — Скорее! Вытащите маркиза из воды! Отыщите для него лучшие одежды из моего запасного гардероба!

Когда Жана, дрожащего от холода, вывели на берег и облачили в расшитый золотом камзол из плотного синего бархата, принцесса Флорина, подглядывавшая сквозь шторку кареты, тихо ахнула. Королевское платье сидело на юноше безупречно. Высокий, стройный, с идеальной гладкой кожей лица, не испорченной грубой крестьянской щетиной, он выглядел как истинный принц из её грёз.

Жан, сгорая от стыда и страха быть разоблачённым, робко подошёл к карете и поклонился. Ему казалось, что обман вот-вот раскроется, но Люсьен незаметно уколол его когтем сзади, заставляя держать осанку.

— О, дорогой Маркиз! — воскликнул Король Клодвиг, пожимая Жану руку. — Какое несчастье! Эти разбойники совсем от рук отбились. Присаживайтесь к нам в карету, мы сочтём за честь довести вас до ваших владений.

Жан сел напротив принцессы, бледнея от мысли о том, что будет, когда карета доедет до конца дороги, где не было ничего, кроме диких полей и мрачного, нависающего над горизонтом замка Людоеда.

Но Кот Люсьен, запрыгнув на запятки кареты, лишь хитро закрутил ус. Главная и самая опасная часть его плана была ещё впереди.

Глава 2. Кровь на лапах

Королевская карета катилась по ухабистой дороге, и каждый оборот колеса отзывался в груди Жана глухими ударами паники. Синий бархатный камзол казался ему чужим и тяжёлым, словно железные латы. Справа от него благодушно дремал король Клодвиг, разомлевший от дорожной качки, а напротив сидела принцесса Флорина. Её сияющие глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, были устремлены на «маркиза».

— Скажите, господин Карабас, — тихо, чтобы не разбудить отца, спросила принцесса, — это правда, что в ваших лесах живут олени с золотыми рогами? Мой кузен говорил, будто на востоке, у Чёрных скал, стоит замок, который принадлежит загадочному вельможе, но никто из живых людей не видел его лица.

Жан сглотнул. Он прекрасно знал, о каком замке идёт речь. Деревенские обходили те скалы за три мили, шепотом рассказывая о великане-Людоеде, который мог заглотить быка целиком, а костями незваных гостей мостил дорожки в своём саду.

— Мой замок... действительно уединённое место, Ваше Высочество, — запинаясь, выдавил Жан, чувствуя, как под воротником камзола закипает холодный пот. — Там... не любят лишнего шума.

В этот момент за окном кареты мелькнула серая тень. Кот Люсьен, виртуозно лавируя между зарослями ежевики, бежал далеко впереди королевского кортежа. Его сапоги из мягкой кожи уже покрылись комьями жирной болотной земли, но скорость кота была поразительной. На его пути показались бескрайние луга, где крестьяне косили сочную траву.

Люсьен с разбегу запрыгнул на стог сена и закричал, угрожающе сверкая зелёными глазами: — Эй, косари! Сюда едет сам король Клодвиг! Если вы не скажете ему, что эти луга принадлежат Маркизу де Карабасу, вас всех изрубят на котлеты для королевских борзых! Поняли?!

Крестьяне, напуганные говорящим зверем в сапогах и грозным упоминанием королевской гвардии, в ужасе закивали. Когда через полчаса карета поравнялась с лугом, и король высунулся в окно, чтобы спросить, чья это земля, косари дружно, как один, завопили: — Маркиза де Карабаса, пресветлый государь!

Король удовлетворенно крикнул и посмотрел на Жана с возрастающим уважением: — Ну и богатые же у вас уголья, маркиз! Мои собственные луга куда беднее.

Жан лишь слабо улыбнулся, а в его душе росло странное, доселе незнакомое чувство. Обман, который поначалу казался смертельной ловушкой, вдруг начал приносить плоды. Люди верили. Сам король верил! Сыну мельника достаточно было просто молчать и держать прямую осанку, чтобы чужое имущество в глазах мира становилось его собственным.

Тем временем Кот Люсьен добежал до подножия Чёрных скал. На вершине утеса, врезаясь острыми шпильями в низкие тучи, высился замок Людоеда. Вокруг него стояла мёртвая тишина: ни птиц, ни зверей. Огромные ворота из чёрного дуба, обитые человеческими черепами, были приоткрыты.

Люсьен глубоко вздохнул, поправил шляпу с пером и решительно шагнул в темноту цитадели.

В главном зале, за столом, заваленным сырым мясом и обглоданными мамонтовыми костями, сидел хозяин замка. Великан Людоед был страшен: кожа цвета сырой глины, огромные клыки, торчащие из-под нижней губы, и глаза, налитые кровью. Увидев маленького кота, он оглушительно расхохотался, так что с потолка посыпалась каменная крошка.

— Что это за закуска пришла ко мне в обуви? — взревел великан. — Ты ли это, Кот в сапогах? Зачем пожаловал в мой замок?

Люсьен сделал самый изящный реверанс, на какой был способен. — О, величайший и непобедимый исполин! — елеинным голосом запел кот. — Поговаривают, будто вы обладаете магией, равной которой нет в подлунном мире. Рассказывают чудеса, в которые мой скромный кошачий разум просто отказывается верить. Будто бы вы можете превратиться в любого, даже самого огромного зверя! Например, в льва или слона.

— Будто бы?! — обиделся Людоед. — Смотри, презренная кошачья шкура!

В то же мгновение зал озарила багровая вспышка. Великан исчез, а на его месте возник колоссальный гривастый лев. Он издал такой яростный рык, что Люсьен от страха взлетел по занавеске под самый потолок, едва не потеряв свои знаменитые сапоги. Внутри кошачьего сердца всё сжалось от первобытного ужаса. Магия великана была густой, тяжёлой и пахла сырой могильной землей.

Лев с хлопком снова превратился в Людоеда, который довольно ухмыльнулся, глядя на

дрожащего кота. — Ну что, убедился?

Люсьен с трудом спустился на пол, судорожно сглатывая слюну. В его голове созрел финальный, смертоносный маневр. — Это... это было невероятно, господин великан! — просипел кот, переводя дух. — Но, согласитесь, превратиться в огромного льва при ваших размерах не так уж трудно. А вот способны ли вы на нечто совершенно противоположное? Например, стать крошечным существом... Ну, скажем, полевой мышью? Вот в это я ни за что не поверю. Это выше ваших сил!

— Выше моих сил?! Да я тебя сейчас раздавлю! — взвизгнул уязвленный Людоед.

Прогремел новый щелчок магического грома. Огромное туловище великана сжалось, превращаясь в маленькую, серую, испуганную мышку, которая заметалась по гигантскому паркету.

Люсьен не думал ни секунды. В нём проснулся хищник — древний, беспощадный, ведомый лишь инстинктом самосохранения и жаждой победы. Кот совершил молниеносный прыжок. Острые когти прижали пищащий комок к полу, а в следующий миг зубы Люсьена сомкнулись на шее великана.

Один хруст — и всё было кончено. Кот в сапогах, давясь и спеша, проглотил мышь целиком.

И в ту же секунду замок содрогнулся. Люсьен упал на бок, его лапы задергались в судороге. Магия Людоеда не умерла вместе с телом хозяина. Проглоченная вместе с плотью мыши, она жгучей, ядовитой волной хлынула по венам кота. Стены замка словно вздохнули, впитывая остатки этого темного колдовства. Люсьен поднялся, тяжело дыша; его изумрудные глаза на мгновение вспыхнули багровым огнем великана, а в кошачьей душе остался странный, холодный осадок. Он совершил великое дело для своего Жана, но цена этого дела ещё не была уплачена.

Снаружи послышался грохот кареты и трубные звуки королевских рожков. Кот вытер окровавленные усы лапой, поправил съехавшую набок шляпу и поспешил к выходу — встречать нового хозяина Чёрных скал.

Глава 3. Свадьба и коронация

Карета остановилась перед распахнутыми воротами замка. Король Клодвиг с опаской выглянул в окно, разглядывая мрачные, уходящие в грозное небо шпили цитадели.

— Полноте, Маркиз, — пробормотал монарх, потирая внезапно занывшие суставы. — Неужели это мрачное гнездо и есть ваша резиденция? Места здесь выглядят... зловеще. В народе поговаривают, будто на этих скалах засел лютый людоед.

Жан не успел ответить. Из темноты ворот, расталкивая вековую пыль своими поскрипывающими сапогами, выбежал Кот Люсьен. На его фетровой шляпе лихо покачивалось перо, а усы были тщательно вылизаны, хотя в глубине его изумрудных глаз всё ещё тлели едва заметные багровые искорки.

— Добро пожаловать, Ваше Величество, в замок моего господина, Маркиза де Карабаса! — Кот отвесил такой глубокий поклон, что распластался по земле, словно пушистый ковёр. — Весь этот замок и всё, что внутри него, принадлежит пресветлому Маркизу. О людоеде же не

беспокойтесь: мой хозяин давно... изгнал эту скверную тень из своих владений. Прошу к столу, обед уже подан!

Жан, едва переставляя онемевшие от волнения ноги, вышел из кареты и подал руку принцессе Флорине. Когда они перешагнули порог, юноша замер от изумления. Темная магия, пропитавшая замок, словно подстраивалась под нового владельца. Мрачные гобелены с изображениями чудовищ в глазах гостей казались древними рыцарскими знамёнами, а на гигантском дубовом столе, где ещё час назад лежали обглоданные кости, теперь высились горы изысканных яств, сочных фруктов и запylённых бутылок старого вина. Замок Людоеда делал всё, чтобы новые хозяева захотели остаться здесь навсегда.

Король Клодвиг, учуяв запах запечённого фазана, мгновенно позабыл о своих страхах. — Клянусь моей короной, Маркиз! — воскликнул старик, усаживаясь во главе стола. — Вы самый богатый и самый скромный вельможа в моём королевстве! Дочь моя, Флорина, взгляни, какой благородный кавалер предстал перед нами. Жан, я вижу, ты парень не промах. Если ты не против, я бы с радостью назвал тебя своим сыном.

Принцесса Флорина густо покраснела и опустила глаза, но её рука, лежавшая на бархатном рукаве Жана, слегка дрогнула от волнения.

Жан смотрел на это великолепие, и в его душе происходил страшный, невидимый излом. Всего несколько дней назад он спал на соломе под скрип отцовской мельницы, донашивал старые обноски братьев и терпел их насмешки. А сейчас сам король просит его взять в жёны принцессу. Обман удался настолько легко, что Жан ощутил кружение головы, похожее на хмель от крепкого вина. Старое крестьянское имя «Жан» показалось ему грязным и невзрачным, как мучной мешок. *«Я больше не Жан, — подумал он, расправляя плечи. — Я Маркиз де Карабас. И всё это по праву принадлежит мне».*

Свадьбу сыграли через месяц, с невиданным для королевства размахом. Стены старого замка Людоеда были задрапированы белым шёлком, а на площади перед воротами фонтаны круглые сутки источали молодое вино.

Жан стоял перед алтарём в ослепительном белом камзоле, расшитом настоящим жемчугом. Лицо его было безупречно чистым, идеально гладким и сияющим юношеской свежестью — ни единый волос не смел нарушить благородный облик нового правителя. Когда архиепископ возложил на его голову золотой обруч, провозглашая его принцем-консортом и будущим правителем земель, Жан посмотрел на толпу ликующих подданных сверху вниз. В его взгляде уже не было прежней мягкости и мечтательности. Там появилось нечто новое — холодная, расчётливая гордость человека, который перешагнул через правду ради величия.

Рядом с алтарём, на бархатной подушечке, сидел Кот Люсьен в золочёных сапожках. Он тихо мурлыкал, но это мурлыканье больше не было похожим на песню верного домашнего друга. В нём слышался скрежет когтей по железу.

В ту же праздничную ночь, когда король Клодвиг, устав от танцев и пиров, объявил, что передаёт Жану все бразды правления государством и уходит на покой, новоиспечённый правитель Карабас сидел в своём новом кабинете. Он смотрел в окно на тёмные леса и далёкие огни деревень. Где-то там, на краю земли, крутилось водяное колесо старой мельницы. Жан открыл тяжёлый кованый сундук с золотом Людоеда, запустил в него руки, и звон монет отозвался в его сердце сладостной, успокаивающей тошнотой.

— Теперь никто не посмеет назвать меня нищим, — прошептал он в пустоту зала.

Замок тихо, едва слышно скрипнул своими каменными перекрытиями, словно соглашаясь со своим новым, законным пленником. Тёмное наследие великана обрело новый дом.

Часть II. Тьма вползает в замок

Глава 1. Изгнание братьев

Первые полгода правления Маркиза де Карабаса казались подданным золотым веком. Жан, упиваясь своей новой безграничной властью, осыпал золотом придворных и потакал любым капризам молодой жены, принцессы Флорины. Но за внешним блеском замка Людоеда росла незримая плесень. Ночами, когда принцесса спала, Жан просиживал часы в сокровищнице. Магия съеденного великана, растворившаяся в стенах, медленно капля за каплей отравляла его разум, рождая в душе липкий, параноидальный страх: *«Всё это — ложь. Если мир узнает, кто я, меня с позором сбросят с этого трона обратно в грязь»*.

В один из дождливых весенних дней, поддавшись внезапному порыву гордыни и желая уколоть тех, кто когда-то его унизил, Жан приказал доставить в замок своих братьев — Пьера и Жака.

Братья прибыли к вечеру. Оставив промокшего осла у ворот, они шли по зеркальному мрамору тронного зала, испуганно озираясь. Их одежда пахла сыростью и мукой, а тяжёлые сапоги оставляли грязные следы на шёлковых коврах. На возвышении, на золотом троне, восседал их младший брат. Жан выглядел великолепно: камзол из чёрнёного серебра, на голове — корона, а лицо — безусловно гладкое, без единой ворсинки, сияло ледяным величием.

— Ну здравствуй, старший брат Пьер. Здравствуй, средний брат Жак, — высокомерно процедил Жан, не поднимаясь с места. — Помните ли вы день, когда выставили меня за порог с одним лишь облезлым котом? Смотрите же теперь на моё королевство.

Пьер, чьё лицо обветрилось от тяжёлой работы на мельнице, нахмурился. Он посмотрел на роскошь вокруг, затем в глаза брата и качнул головой: — Мы рады за тебя, Жан. Но в глазах твоих я вижу не радость, а испуг. Зачем ты звал нас?

— Называйте меня Маркизом Карабасом! Имени «Жан» больше нет! — резко оборвал его Жан, и его голос сорвался на визг. Стены замка угодливо отозвались глухим эхом. — Я позвал вас, потому что я не забыл кровных уз. Я сделаю вас великими. Ты, Пьер, возглавишь все королевские амбары. А ты, Жак, станешь моим главным казначеем. Вы будете служить мне.

Братья остались. Но этот союз изначально был обречён. Замок Людоеда не терпел чужаков, чьи сердца не были отравлены жаждой наживы. Каждый раз, когда Жак пересчитывал золото в сундуках, Жану казалось, что средний брат утаивает монеты. Каждый раз, когда Пьер докладывал о запасах зерна, Маркизу мерещилось, что старший брат замышляет подсыпать яд в его королевский хлеб, чтобы убить своего «младшенького» и забрать замок.

Паранойя Жана достигла пика через два месяца. Ночью, во время страшной грозы, Жан пробудился от кошмара. Ему привиделось, будто Пьер и Жак крадут его корону. Обезумев от ярости, Маркиз поднял на ноги королевскую гвардию.

Братьев выволокли из постелей прямо в тронный зал. Жан, бледный, с дико вращающимися глазами, расхаживал перед ними, сжимая в руке обнажённую шпагу.

— Предатели! Воры! — кричал он, брызжа слюной. — Вы приехали сюда, чтобы отнять то, что я добыл своим умом! Вы хотите вернуть меня на мельницу! Вы украли моё золото! Казначей Жак, где три недостающие монеты из вчерашнего прихода?! Купец Пьер, почему в амбарах мыши?! Вы замыслили измену!

— Жан, опомнись, ты бредишь! — закричал Жак, падая на колени перед гвардейцами. — Мы не взяли ни гроша!

Но Пьер не стал умолять. Он выпрямился во весь свой немалый крестьянский рост, оттолкнул стражников и с презрением посмотрел на безумного брата.

— Хватит, — громовым голосом оборвал он истерику Маркиза. — В тебе не осталось ничего от нашего брата Жана. Твоё сердце стало сухим и мёртвым, как это краденое золото. Ты отрёкся от семьи, от своего дома и своего имени ради фальшивого титула.

Жан замахнулся шпагой: — Вон! Вон из моего замка! Если к рассвету вы не покинете королевство, ваши головы украсят эти стены! Стража, выбросить их псам!

Гвардейцы вытолкали братьев под проливной дождь. На пороге ворот Пьер остановился. Обернувшись к замку, где в окне верхнего этажа маячил силуэт Жана, старший брат поднял руку и выкрикнул страшное проклятие, шедшее от самой глубины его израненного сердца:

— Ты хотел быть Маркизом Карабасом?! Так слушай же, Жан! За твоё жестокое сердце и ложь я проклинаю тебя! Отныне твоё истинное имя сотрется из памяти людей. Ни один человек на земле больше не вспомнит, что тебя звали Жаном. Маска твоего фальшивого величия прирастет к твоему лицу намертво, и ты до конца дней своих будешь заперт в этом проклятом замке, пока не сгниёшь заживо!

Гром расколол небо над Чёрными скалами, словно скрепляя эти слова. Пьер и Жак, поддерживая друг друга, побрели прочь сквозь шторм. Чтобы тиран никогда не смог их выследить и уничтожить, они решили навсегда отказаться от своего прошлого. Старший брат Пьер взял себе простое имя **Карло**, а средний Жак назвался **Джузеппе**. Они уходили на самый дальний край света, унося в сердцах скорбь о брате, которого они навсегда потеряли в ту ночь.

Глава 2. Одиночество в золотой клетке

После изгнания братьев замок окутало глухое, мертвенное безмолвие. Словно в ответ на проклятие Пьера, небо над Чёрными скалами навсегда затянуло пепельными тучами, сквозь которые редко пробивалось солнце.

Первым ушёл старый король Клодвиг. Сердце монарха не выдержало той леденящей, тягостной атмосферы, которая воцарилась при дворе. Он тихо угас в своих покоях, оставив Жану не просто титул маркиза, а полноправную корону. Но эта корона больше не приносила радости её обладателю.

Принцесса Флорина, некогда сиявшая от счастья, таяла на глазах, подобно восковой свече. Она больше не видела в муже того романтического, чуткого юношу с чистым взором, которого встретила на берегу реки Брют. Перед ней теперь был чужак — подозрительный, холодный деспот, который заставлял слуг пробовать каждое блюдо из её тарелки, опасаясь заговоров, и

запрещал ей покидать стены цитадели.

— Жан... — тихо звала она его по вечерам, пытаясь коснуться его ледяной руки. — Прошу тебя, давай уедем отсюда. Вернём твой старый замок короне, уедем в светлый южный дворец. Этот дом... он пьёт из нас жизнь. Мне по ночам кажется, что стены шепчут чужими голосами.

Жан резко отдернул руку, и в его глазах, отражавших пламя камина, на мгновение промелькнул багровый, мышинный отсвет. — Не смей называть меня этим плебейским именем! — прошипел он. — И никуда мы не уедем. Это мой замок. Моё золото. Они хотят отнять его у меня, все они! Твои кузены, министры, даже нищие у дорог смотрят на мои сундуки! Я останусь здесь.

Флорина лишь горько заплакала. Стены замка Людоеда, некогда сожравшего сотни невинных душ, теперь медленно и со вкусом высасывали жизнь из последней чистой души в этих стенах. К исходу второй зимы принцесса умерла от тоски и истощения. Её похоронили в королевской усыпальнице, но Жан даже не пролил слезы на её гробу. В его очерстневшем сердце страх потери богатства полностью вытеснил способность любить.

Оставшись абсолютным, полноправным и совершенно одиноким правителем, Жан заколотил парадные ворота замка. Он распустил почти всех слуг и придворных, оставив лишь безликую, безмолвную гвардию.

Каждую ночь он спускался в подвалы, где хранилось золото великана. Жан садился прямо на холодные монеты, пересыпал их из горсти в горсть и шептал слова проклятия в адрес своих изгнанных братьев. Он пытался вспомнить их лица, пытался вспомнить лицо своей матери Мари и отца Мишеля, но с ужасом осознавал, что проклятие Пьера уже начало действовать. Прошлое стиралось, подменяясь тяжёлым, золотым кошмаром. В его памяти больше не было старой мельницы и запаха свежего хлеба. Остался лишь Маркиз Карабас — вельможа, запертый в своей собственной, сияющей золотом клетке.

Глава 3. Уход Кота

Среди запустения и мрака, воцарившихся в замке, единственным живым существом, сохранившим остатки прежних дней, оставался Кот Люсьен. Но и он изменился. Тяжёлая, ядовитая магия Людоеда, которую он поглотил вместе с плотью мыши, медленно разъедала его изнутри. Золочёные сапожки кота потускнели, некогда роскошная серая шерсть свалялась, а в изумрудных глазах всё чаще вспыхивал зловещий багровый огонёк. Однако, в отличие от своего хозяина, Люсьен ещё помнил, что такое верность.

В один из глухих осенних вечеров, когда ветер завывал в каминных трубах, словно стая голодных волков, Кот вошёл в тронный зал. Жан сидел на золотом стуле, тупо уставившись на свои руки. Он был бледен, под глазами залегли черные тени, а пальцы судорожно перебирали тяжёлую золотую цепь на шее.

Люсьен мягко запрыгнул на подлокотник трона. Его хвост нервно подёргивался.

— Хозяин, — тихо, но твёрдо произнёс Кот. — Посмотри на себя. Ты заживо хоронишь себя в этой каменной могиле. Твои братья ушли, принцесса мертва, а подданные проклинают твоё имя. Магия этого замка убьёт тебя, если мы не уйдём сейчас же. Сбрось эту проклятую корону. Оставь золото. У нас ещё есть время начать всё сначала в дальних краях.

Жан медленно повернул голову. Его взгляд, когда-то мечтательный и чистый, теперь был полон безумия и ледяной ярости. Он посмотрел на кота так, словно видел перед собой надоедливое насекомое.

— Уйти? — Жан хрипло расхохотался, и этот смех прозвучал как скрежет ржавых дверных петель. — Оставить то, ради чего я пролил столько пота и лжи? Ты, жалкая мышеловка в сапогах, смеешь давать мне советы? Ты забыл, кто твой господин?!

— Я помню твоего отца Мишеля, Жан, — печально ответил Люсьен, надеясь пробудить в его душе хоть каплю человечности. — И я помню юношу, который делился со мной последней коркой хлеба.

При звуке имени «Жан» Маркиз де Карабас подскочил с трона, тяжело дыша. Проклятие старшего брата вспыхнуло внутри него жгучей болью. Это имя резало его слух, вызывая невыносимые муки.

— Замолчи! — взвизгнул Жан, брызжа слюной. — Не смей называть меня этим грязным, нищенским словом! Я Маркиз! Я Карабас! Ты... ты просто завидуешь моему величию! Ты думаешь, раз ты поймал пару кроликов и притащил мне этот замок, то можешь понукать мной?! Ты — моя вещь, Люсьен! Пошёл вон!

Жан с яростью замахнулся и нанёс сильный удар наотмашь. Тяжёлый перстень на его пальце рассёк коту мордочку над правым глазом. Люсьен слетел с трона, покатился по мраморному полу, потеряв от удара одну из своих золочёных сапожек.

Кот поднялся, тяжело дыша. Из его рассечённого глаза капала тёмная, почти чёрная кровь. Он посмотрел на Жана своим оставшимся здоровым, изумрудным глазом, в котором больше не было ни любви, ни преданности — лишь бездонная, бесконечная скорбь и усталость.

— Ты сам выбрал свой путь, Карабас, — тихо сказал Кот. Его голос больше не был человеческим, он превратился в зловещее, утробное шипение. — Твоя маска теперь действительно прирастёт к тебе намертво. Прощай.

Люсьен повернулся и, прихрамывая на одну лапу, медленно пошёл к выходу. За ним тянулся тонкий кровавый след. Вторую сапожку он сбросил сам, оставив её лежать на холодном мраморе тронного зала как символ разорванной дружбы.

Кот вышел из ворот и исчез в ночном тумане. Тяжёлая травма и яд Людоеда сделали своё дело: со временем его левый глаз полностью ослеп, шерсть облезла, а рассудок помутился. В своих долгих скитаниях по миру он напрочь забыл своё имя «Люсьен» и то, что когда-то был благородным Котом в сапогах. Он прибил к хитрой, беспринципной Лисе Алисе, которая стала водить слепого, хромого кота за собой, называя его просто **Котом Базилио**. Он помнил лишь смутную, грызущую обиду на весь мир и лютую ненависть к богачам, даже не подозревая, что когда-то сам создал самого богатого маркиза на свете.

А Жан остался в замке один. Совсем один. Он поднял с пола брошенные кошачьи сапожки, швырнул их в камин и долго смотрел, как горит дорогая кожа, унося с собой последнюю искру его прежней, настоящей жизни.

Часть III. Рождение «Карабаса-Барбера»

Глава 1. Проклятие Бороды

Шли годы, складываясь в мрачные десятилетия. Время внутри замка Людоеда словно загустело, превратившись в тяжёлую, липкую смолу. Жан, ныне известный лишь под своим вымышленным титулом Маркиза де Карабаса, окончательно потерял счёт дням. Проклятие его старшего брата Пьера действовало непреклонно и страшно: маска вымышленного величия въедалась в саму его плоть.

В один из дней, подойдя к огромному, покрытому паутиной зеркалу в серебряной раме, Карабас отпрянул в ужасе. Из замутнённого стекла на него смотрело чудовище. Его лицо, которым он когда-то так гордился, стремительно увядало. Кожа высохла, став похожей на старый пергамент, покрылась глубокими, уродливыми морщинами и шрамами — замок Людоеда забирал юность своего хозяина в уплату за золото.

Пытаясь скрыть от самого себя и редких слуг это стремительное, позорное старение, бывший сын мельника наотрез отказался от бритвы. Он выбросил кухонные ножи, которыми когда-то тщательно скоблил лицо на старой мельнице.

И тогда магия замка отозвалась на его страх новым уродством.

На подбородке и щеках Карабаса зашевелились первые волосы. Они не были похожи на обычную человеческую щетину. Жёсткие, как конский волос, чёрные, как смоль из адского котла, они росли с неестественной, пугающей скоростью. За несколько недель борода покрыла его грудь, затем спустилась к поясу, а через несколько месяцев тяжёлым, угольным шлейфом поползла по каменному полу, волочась за ним, словно хвост огромного доисторического ящера.

Одержимый своим новым обликом, Карабас стал панически бояться, что борода поредет или поседеет, обнажив его старческие шрамы. Он заперся в самых глубоких покоях замка и перестал пускать к себе кого бы то ни было, кроме цирюльников.

В те времена лекарей, умевших ухаживать за волосами и знавших толк в целебных мазях, называли *барберами* (от латинского *barba* — борода). Карабас рассылал своих безликих гвардейцев по всем окрестным городам и весям с одной лишь целью: хватать лучших барберов и силой привозить в Чёрные скалы.

— Уложите мою бороду! Сделайте её мягче! Натрите её маслами из восточных стран! — кричал Маркиз, восседая на троне, пока напуганные мастера, дрожа от страха, расчёсывали огромными гребнями его чёрную шерстяную лавину.

Если несчастный барбер случайно дёргал за волосок или разочаровывал господина результатом, Карабас в ярости приказывал бросить беднягу в подземелье. В народе, испуганно шептавшемся о безумном правителе Чёрных скал, его титул и его страшная одержимость лекарями-«барберами» слились воедино.

— Слыхали? — говорили крестьяне в тавернах, испуганно озираясь на проплывающие в небе тучи. — Маркиз Карабас совсем разума лишился из-за своей бороды. Карабас-Барбер его зовут. Чудовище с чёрной бородой, которая сама людей душит.

Со временем на местном грубом наречии это прозвище исказилось, потеряло изящный французский оттенок и превратилось в грозное, рычащее имя, которым матери пугали своих

непослушных детей: **Карабас-Барабас**.

Бывший Жан больше не помнил своего имени. Проклятие исполнилось. Сын мельника исчез. Родился зловещий Карабас-Барабас, чья огромная борода стала символом его безумия и вечного одиночества.

Глава 2. Дуремар и поиски эликсира

Годы безумия превратили некогда роскошный замок Маркиза де Карабаса в мрачную, содрогающуюся от кашля цитадель. Борода хозяина росла неудержимо, забирая последние соки из его иссушенного тела. Она уже обвивала трон тремя тяжёлыми кольцами, и Карабас-Барабас проводил дни в кошмарном полубытьи, баюкая свои чёрные волосы и панически боясь окончательного увядания.

Обычные лекари и городские барберы больше не могли помочь безумцу — их ножницы тупились о жёсткий волос, а мази не приносили облегчения. Магическая шерсть требовала не изысканных масел, а тёмных, болотных снадобий, способных унять непрекращающийся зуд и поддерживать в ней колдовскую жизнь. Именно тогда у ворот замка появился человек, ставший идеальным отражением упадка этого места.

Его звали **Дуремар**. Это был долговязый, усохший от постоянного пребывания в сырости субъект с бледным, как поганка, лицом и слезящимися глазами. Одетый в поношенный зеленоватый плащ, напоминающий тину, он круглыми сутками бродил по окрестным болотам с сачком и банками, вылавливая пиявок, лягушачью икру и болотных гадюк. Дуремар был прохиндеем и шарлатаном, но обладал редким чутьем на чужие слабости и страхи богатеньких безумцев.

Узнав о сказочно богатом Маркизе из Чёрных скал, который полностью потерял покой из-за своей бороды, Дуремар явился во дворец без приглашения, неся в руках банку с огромными, сытыми болотными пиявками.

— О, пресветлый и могущественный Маркиз Карабас-Барабас! — запел Дуремар подобострастным, сиплым голосом, падая ниц перед троном и стараясь не наступить на чёрные пряди. — Я принёс вам величайшее спасение от зуда, сухости и дряхлости! Мои пиявочки, возвращённые на проклятых топях, отворят дурную, застоявшуюся кровь из ваших щёк, и ваша великолепная борода засияет, как крыло ворона! А мази из жабьей кожи вернут лицу былую упругость!

Карабас-Барабас, истощённый вечным зудом проклятых волос и страхом старости, вцепился в предложение шарлатана как в спасительную соломинку. Он приказал страже поднять гостя с колен и немедленно приступить к лечению.

Дуремар быстро стал незаменим. Он переехал в замок, заняв одну из полуразрушенных башен под свою зловонную лабораторию. Каждый день он ставил пиявок на испитое, покрытое морщинами лицо бывшего Жана, втирал в корни его бороды дурно пахнущие болотные субстанции и шептал на ухо хозяину новые порции безумных советов.

— Все вокруг — ваши враги, господин Маркиз, — шептал Дуремар, меняя банку с пиявками и вкрадчиво глядя в безумные глаза Карабаса. — Все эти крестьяне, министры... они завидуют вашему богатству и вашей величественной бороде. Они хотят украсть ваши секреты и ваше

золото. Только я, ваш верный Дуремар, предан вам до последнего вздоха. Но для моих омолаживающих эликсиров нужны редкие ингредиенты... много золота, господин!

Карабас-Барабас послушно открывал сундуки Людоеда. Дуремар стал его глазами и ушами за пределами Чёрных скал. Он превратился в главного шпиона Маркиза, выискивающего по всему свету любые слухи о магии, омоложении и — что самое главное — о тех, кто ещё мог помнить прежнего, безбородого хозяина замка. Карабас-Барабас платил ему щедро, не замечая, как этот болотный лекарь медленно, но верно высасывает из замка остатки прежнего королевского величия, оставляя Маркиза в полной изоляции от живого мира.

Глава 3. Первая живая кукла

К исходу третьего десятилетия своего заточения Карабас-Барабас окончательно возненавидел человеческий род. Люди в его глазах были существами лживыми и изменчивыми. Они уходили и предавали, оставляя его в одиночестве. Но старая обида на братьев, изгнавших его когда-то со двора, по-прежнему жгла его очерствевшее сердце. И тогда Карабас-Барабас решил создать подданных, которые никогда не смогут уйти, и над которыми он получит абсолютную, безграничную власть.

Ответ лежал прямо под окнами его цитадели. В самом сердце замкового сада росло древнее, узловатое дерево, подпитанное остатками тёмной магии Людоеда. Карабас-Барабас приказал гвардейцам отсечь от него тяжелые ветви. По его чертежам пленные мастера вытесали первую куклу — бледного деревянного мальчика в просторном белом балахоне.

Карабас-Барабас назвал его **Пьеро** — в память о своём старшем брате Пьере. Вдохнув в куклу жизнь с помощью ритуалов Людоеда, Карабас сразу же взял в руки тяжёлую семихвостую плётку. Юный Маркиз когда-то плакал на старой мельнице от несправедливости Пьера, а теперь старый тиран упивался мезтью. Он часами избивал деревянного Пьеро, заставляя куклу горько плакать, жалобно стенать и умолять о пощаде. В этих слезах Карабас-Барабас видел торжество над своим прошлым.

Со временем хозяин замка стал уставать от постоянных взмахов тяжёлой плетью. Его старческие руки слабели, а борода путалась под ногами. Тогда из того же заколдованного дерева он создал вторую куклу — жестокого, вечно скалящегося **Арлекина**. Карабас вручил ему палку и приказал бить несчастного Пьеро вместо себя, наслаждаясь этим зрелищем со своего золотого трона.

От бесконечных побоев и издевательств одежда кукол быстро превращалась в кровавые, изорванные лохмотья. Чтобы театр не терял своего зловещего блеска, Карабасу-Барабасу понадобилась служанка. Он создал изящную куклу-девочку, чьей единственной обязанностью стало круглосуточное шитьё и починка истерзанных плётками платьев. Её он назвал **Мальвиной**.

Чтобы случайно не замахнуться на неё в порыве слепой ярости, Карабас-Барабас покрасил её волосы в неестественный, яркий голубой цвет. Этот цвет служил для него маркером безопасности: голубые волосы Мальвины далеко виднелись в полумраке замка. Карабас оберегал её от побоев из чистого расчёта — ведь если бы он изорвал платье Мальвины, чинить кукол было бы больше некому.

Для охраны своего деревянного гарема от возможных воров и бродяг, Карабас-Барабас

подчинил себе огромного, свирепого пса — чёрного пуделя по кличке **Артемон**. Грозный пёс, похожий на порождение ночного кошмара, зорко следил за тем, чтобы замученные марионетки не вздумали сбежать из замка.

Но вопреки жестокости хозяина, внутри Театра затеплилась тайная, тихая жизнь. Мальвина, ограждённая своими голубыми волосами от ударов плети, стала названной матерью и защитницей для всех несчастных. В тайне от Карабаса-Барабаса она заботилась о раненых Пьеро и Арлекине, промывала их раны и штопала белые балахоны. Она смогла растопить сердце даже свирепого Артемона: Мальвина ласково кормила пса остатками со стола и бережно мыла ему лапы после грязных дежурств во дворе, и грозный страж превратился в её преданного защитника.

Видя, в какой грязи и сырости приходится жить куклам, Мальвина установила в их тайных комнатах строгие правила. Она заставляла Арлекина и плачущего Пьеро соблюдать строжайшую гигиену, мыть руки перед редкими трапезами и держать свои тела в чистоте. Это была её маленькая, тихая война против болотной гнили, которую приносил в замок Дуремар, и против той духовной грязи, в которой заживо гнил сам Карабас-Барабас, ставший отныне полноправным и страшным **Доктором кукольных наук**.

Глава 4. Потерянный Ключ и Мудрый Сверчок

Золотой Ключик не был похож на другие сокровища, сокрытые в замке. Тёплый, согревающий ладонь металл был покрыт тончайшей гравировкой, в которой угадывался контур улыбающегося солнца. Древние пергаменты Людоода гласили: этот ключ отпирает потайную волшебную дверь, за которой томится первозданная магия радости, способная развеять любое колдовство.

Карабас-Барабас не знал, где искать эту дверь, но его слепая, ненасытная жадность рисовала в воображении горы золота и безграничную власть. Из тех же свитков он выудил лишь одну смутную приметку: заветный вход спрятан от чужих глаз за старым ковром, на котором изображён кипящий котёл. С тех пор Доктор кукольных наук потерял покой. Он носил Ключик на груди, на тяжёлой золотой цепи, и по ночам исступленно листал карты королевства, выискивая этот проклятый рисунок.

Он не подозревал, что искать нужно было у самого подножия Чёрных скал.

Когда-то, изгоняя братьев, Жан оставил за ними лишь клочок каменистой земли под утесом. Старший брат Пьер, назвавшийся Карло, стал бродячим шарманщиком. Он целыми днями ходил по окрестным городкам, крутя ручку пошарпанной шарманки, а под вечер возвращался к скале, где арендовал крошечную сырую каморку в полуподвале.

В самой дальней стене этой каморки, глубоко врезанная в каменную толщу утёса, находилась старинная, наглухо запертая дверь с заржавевшей замочной скважиной. Она была здесь задолго до появления столяра. И так же давно — ещё со времён первого хозяина замка — её закрывал кусок плотного, потемневшего от сырости старого холста с изображением горящего очага и кипящего на нём котла. Этот холст защищал комнату от леденящего подвального сквозняка, и старик Карло даже не думал его снимать.

Братья жили в паре сотен метров друг от друга: один — на вершине мира, утопая в золоте и безумии, другой — в полуподвале, в нищете, со своей верной шарманкой. Но Карабас даже не

догадывался, что искомая им дверь находится прямо под его ногами, за древним холстом.

Единственным, кто связал эти нити воедино, был Мудрый Сверчок — крошечный хранитель замковых тайн.

— Опомнись, Карабас, — тихо, как потрескивание уголька, прострекотал Сверчок, когда Маркиз в очередной раз мерил шагами тронный зал. — Дверь ближе, чем ты думаешь, но магия радости сожжёт твою злобу.

В ярости Карабас-Барабас взмахнул семихвостой плёткой, со свистом расчленив воздух над самой его головой. Сверчок чудом уцелел, спустился по водосточной трубе с вершины замка в самый разлом скалы и поселился в полуподвале у Папы Карло, найдя укромную щель за тем самым нарисованным котлом. Оставалось только ждать.

А на вершине утёса, на каменном замковом мосту, судьба уже разыгрывала свой самый нелепый и яростный фарс.

Ночью над прудом сгустился плотный туман. Карабас-Барабас возвращался из сокровищницы. В одной лапе он тащил тяжёлый кованый сундук с налогами, а другой судорожно сжимал Золотой Ключик. Его огромная борода шлейфом волочилась по сырým плитам.

Вдруг в камышах хрустнула ветка. Изъеденный паранойей ум Маркиза мгновенно нарисовал образ вора. Карабас резко обернулся, взмахнул руками и со всего маху наступил собственным каблуком на кончик своей же бороды. Рывок получился сокрушительным. С хрипом Доктор кукольных наук рухнул навзничь, задрал ноги. Сундук вылетел из рук, ударился о перила и раскрылся: лавина золотых монет с весёлым звоном покати́лась по мосту, ссыпаясь в воду. В ту же секунду Золотой Ключик выскользнул из его пальцев и с чистым, хрустальным всплеском канул в пруд.

— Мой ключ! Мои деньги! На помощь! — сипло взвыл Карабас, напоминающий перевернутого на спину майского жука, запутавшегося в собственных волосах.

На крик из башни прибежал Дуремар с сачком. Оценив обстановку, болотный проныра мгновенно понял, где настоящая выгода. — Ищу, господин Маркиз! Спасая ваше сокровище! — истошно вопил Дуремар, бросаясь в воду.

Дуремар изображал бурный, азартный поиск: он со свистом рассекал сачком воду, нырял с головой, создавая тучи брызг, и громко проклинал невидимых болотных гадов. На самом же деле его глаза горели жадным огнём — под водой он лихорадочно набивал свои огромные карманы плаща золотыми монетами, которые сыпались сверху. Каждый раз, когда его сачок зачерпывал горсть золота, Дуремар кричал: «Опять мимо, подлая лягушка укусила меня за палец! Ищу дальше!». Карабас-Барабас, ползая по мосту и пытаясь распутать бороду, только подгонял его: «Ищи лучше, дурак, я озолочу тебя!».

Пока наверху разыгрывался этот жадный спектакль, на самом дне пруда, в абсолютной тишине, Ключик мягко опустился в ил.

Там дремала вековая черепаха Тортила. Она не вмешалась в суету. Лишь когда беснующийся Дуремар, нагруженный золотом так, что едва не шёл ко дну, утащил своего измокшего хозяина в замок, на пруду воцарился покой. Вода разгладилась. Тортила медленно подплыла к мерцающему на дне предмету, аккуратно подобрала его и укрыла под своим панцирем.

Карабас-Барабас остался ни с чем, уверенный, что ключ навсегда засосало болотной трясиной.

Лишившись надежды, Доктор кукольных наук окончательно потерял остатки человечности. С тех пор его тяжёлая плётка свистела в театре без умолку, а голубоволосая Мальвина каждую ночь до рассвета отмывала кукол от слёз и зашивала раны на их платьях, пока старый Карло в своём полуподвале чинил старый механизм своей вечно барахлящей шарманки перед нарисованным котлом.

Глава 5. Появление Джузеппе и роковое полено

Шли годы, и время у подножия Чёрных скал текло так же серо и беспросветно, как дождевая вода, стекающая по утёсу. Второй изгнанный брат — Якоб, давно сменивший имя на **Джузеппе**, — осел в том же маленьком приморском городке. В отличие от Карло, выбравшего тихую скорбь бродячего музыканта, Джузеппе пытался заглушить прошлое стуком топора и дешёвым вином. Он стал столяром. За постоянный сизый оттенок носа — следствие многолетнего увлечения крепкими портовыми настойками — горожане ласково прозвали его Джузеппе Сизый Нос.

Мастерская Джузеппе находилась неподалёку от полуподвала Карло, у самого въезда в город, где скалы подступали к морю ближе всего.

Весной 2026 года над Чёрными скалами разразилась небывалая буря. На вершине утёса, прямо в замковом саду Карабаса-Барабаса, молния расколола надвое древнее, узловатое дерево, возвращённое когда-то на магии Людоода. Тяжёлые, сизо-серые ветви рухнули с обрыва, увлекая за собой тонны камней и грунта. Оползень с грохотом сошёл вниз, завалив дорогу к мастерской Джузеппе.

Утром, когда шторм утих, Джузеппе вышел на улицу с топором и пилой, ворча на непогоду и замок на вершине. Разгребая завалы из битого камня и чужеродной садовой земли, он наткнулся на странный обрубок древесины. Это было обыкновенное с виду полено — просоленное морскими брызгами, узловатое, со слегка содранной корой. Но стоило Джузеппе прикоснуться к нему, как по ладони пробежало странное, покалывающее тепло.

— Эге, хорошая чурка, — пробормотал Джузеппе, потирая сизый нос. — Из неё выйдет отличная ножка для верстака.

Он притащил полено в мастерскую, водрузил его на верстак и, насвистывая весёлую портовую песню, замахнулся топором. Но едва острое лезвие коснулось коры, как из глубины древесины раздался тоненький, писклявый и крайне возмущённый голосок:

— Ой, ой, полегче! Больно же, между прочим!

Джузеппе замер с поднятым топором. Вытаращив глаза, он медленно опустил оружие и огляделся. В мастерской никого не было, кроме пауков по углам. — Видно, старый портер в трактире вчера был излишне крепок, — прошептал столяр, качая головой.

Он взял в руки рубанок, чтобы хотя бы снять кору. Но стоило инструменту коснуться полена, как из-за древесных волокон раздался оглушительный чих, а затем тот же невыносимый голосок пропищал: — Перестань соскабливать мою кожу, Сизый Нос! Мне щекотно и противно!

На этот раз полено подпрыгнуло на верстаке и пребольно стукнуло Джузеппе по пальцу. От страха и неожиданности столяр отпрянул, споткнулся о кучу опилок и растянулся на полу.

Древесина, созданная из того же волшебного корня, что и безмолвные марионетки на вершине утёса, обладала собственной, не обузданной никакими заклинаниями волей. Она не собиралась становиться ножкой для стола.

Джузеппе сидел на полу, тяжело дыша и испуганно глядя на чурку, которая теперь покачивалась из стороны в сторону, словно дразня его. В этот момент дверь мастерской скрипнула, и на пороге появился старый шарманщик Карло в своём неизменном поношенном плаще. Он зашёл навестить брата и соседа, неся в руках замолчавшую шарманку — заработка в этот день не было вовсе.

— Здорово, Джузеппе, — грустно произнёс Карло. — Чего это ты разлёгся на полу? Или портер с утра пораньше сбил тебя с ног?

Джузеппе лихорадочно вскочил, хватая Карло за рукав и указывая дрожащим пальцем на верстак. Жадность или страх боролись в его душе, но страх перед поющим поленом победил. — Карло! Друг мой! — закричал столяр, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Посмотри на это великолепное, редкое дерево! Я как раз думал о тебе. Твоя шарманка едва кормит тебя, старик. Возьми это полено, вырежи из него красивую деревянную куклу. Ты научишь её ходить, будешь показывать комедию на площадях и заработаешь себе на куртку и стакан доброго вина!

Полено на верстаке затихло, словно прислушиваясь к разговору. Карло посмотрел на кусок сизого дерева, затем на бледного Джузеппе. Жизнь старого шарманщика была столь одинокой, а каморка под утёсом — столь пустой, что мысль о деревянном компаньоне вдруг показалась ему удивительно теплой.

— Ну что ж, — тихо сказал Карло, принимая подарок. — Спасибо, Джузеппе. Может, и правда, кукла скрасит мои вечера.

Он обхватил полено руками, прижал его к груди и бережно понёс к себе в полуподвал, даже не подозревая, что несёт в свою каморку самую судьбу, готовую перевернуть всю историю Чёрных скал.

Бу!..